http://www.zabvektor.com ISSN 2542-0038 (Online) ISSN 1996-7853 (Print)

Научная статья
УДК 947.084.24 (517.5)
DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-1-141-149

Эпистолярное наследие монголоведа В. Л. Котвича (1872–1944): о преподавании монгольского языка в России в начале XX века

Оксана Николаевна Полянская
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, Россия
polgrab@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-1483-2441

В 2022 году исполнилось 150 лет со дня рождения востоковеда, преподавателя Владислава Людвиговича Котвича. Становление ученого-монголоведа проходила в Санкт-Петербургском университете, и дальнейшая плодотворная деятельность (до 1923 г.) связана с научными и учебными учреждениями северной столицы России. Цель данной статьи – ввести в научный оборот ранее неизвестное письмо преподавателя Читинской учительской семинарии Иннокентия Порфирьевича Малкова, адресованное Владиславу Людвиговичу и содержащее ценные сведения о положении дел в преподавании монгольского языка в Забайкалье. Письмо открывает нам имя Иннокентия Малкова – несправедливо забытого преподавателя монгольского языка, понимающего суть вещей в методике преподавания, её особенности, важность знания и умения преподавать не только письменный язык монголов, но разнообразие говоров языка. Через призму данного документа можно уточнить малоизвестные факты в биографии В. Л. Котвича как организатора востоковедческого образования. Таким образом, представленный в статье документ – источник по истории монголоведения в России начала XX в., отражающий важную её составляющую – развитие и состояние востоковедческого образования в одном из приграничных районов России, где преподавание монгольского языка имело практическую значимость – необходимость подготовки переводчиков для поддержания отношений с Китаем и Монголией. Автор письма указывает и на проблемы в подготовке учителей монголо-бурятского языка, в первую очередь, такие как нехватка педагогических кадров и учебных пособий. В то же время, представленные в письме сведения доказывают преемственность традиций российской школы монголоведения, заложенные О. М. Ковалевским. Описаны методы преподавания И. Малкова – чтение практических документов, деловых бумаг, использование материалов, выпускающих Обществом востоковедения в Петербурге, при котором была основана Восточная академия под руководством А. М. Позднеева. И. Малков одновременно с изучением языка преподавал основы истории, географии, литературы. Несмотря на отдалённость края, учитель семинарии стремился приобрести учебные пособия авторитетных монголоведов для достижения успеха в обучении языку.

Ключевые слова: монголоведение в России, В. Л. Котвич, И. П. Малков, Петербургский университет, Общество востоковедения, Петроградский институт живых восточных языков, Читинская учительская семинария

Благодарность: *Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ в рамках проекта № 20-59-44008 «Мировое и российское монголоведение: национальные школы, концепции, персоналии» и гранта Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова 2022 г. № 22-07-0502 «Отечественное монголоведение на переломе эпох (начало XX в. – 1920-е гг.): традиции, преемственность, направления».*

Scientific article

The Epistolary Heritage of the Mongolist V. L. Kotvich (1872–1944) about Teaching the Mongolian Language in Russia at the Beginning of the 20th Century

Oksana N. Polyanskaya
Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russia
polgrab@mail.ru; https://orcid.org/0000-0003-1483-2441

2022 marked the 150th anniversary of the birth of an outstanding orientalist and teacher Vladislav Lyudvigovich Kotvich. His early days took place at St. Petersburg University, and his further fruitful activity (until 1923) was associated with scientific and educational institutions of the northern capital of Russia. The article aims to introduce into scientific circulation a previously unknown letter from the teacher of Chita Teachers' Seminary

© Полянская О. Н., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons "Attribution" («Атрибуция») 4.0 Всемирная
The content is available under the Creative Commons "Attribution" 4.0 International

Innokenty Porfiryevich Malkov to Vladislav Ludwigovich, which reflects the development of teaching the Mongolian language in Transbaikalia. The letter reveals the name of the unfairly forgotten teacher of the Mongolian language Innokenty Malkov, who was competent, responsible, understood the essence of teaching methodology, its features, the importance of knowledge and ability to teach not only the written language of the Mongols but also the variety of its dialects. This document can clarify little-known facts in the biography of V. L. Kotvich – an organizer of oriental education in Russia. Thus, the letter under consideration is a source on the history of Mongolian studies in Russia of the early 20th century, reflecting the development and state of Oriental education in one of the border regions of Russia, where the teaching of the Mongolian language was of practical importance – it was necessary to train translators for maintaining relations with China and Mongolia. The author of the letter also emphasized the problems in training teachers of the Mongolian-Buryat language, such as the lack of teaching staff and teaching aids. At the same time, the information presented in the letter proves the continuity of the traditions of the Russian school of Mongolian studies established by O. M. Kovalevsky, which can be traced in the description of teaching methods by I. Malkov. He described such methods as reading practical documents, using materials of the Society of Oriental Studies in St. Petersburg. The Oriental Academy was founded under the leadership of A. M. Pozdneev, an adherent of practical Oriental studies, whose teaching methods were introduced by Malkov in the seminary: he taught the fundamentals of history, geography, literature simultaneously with the study of the language and practiced reading business papers. Despite the remoteness of the region, the seminary teacher strived to acquire textbooks from reputable mongolists in order to achieve success in teaching the language.

Keywords: Mongolian studies in Russia, V. L. Kotvich, I. P. Malkov, St. Petersburg University, Society of Oriental Studies, Petrograd Institute of Living Oriental Languages, Chita Teachers' Seminary

Acknwledgments: *This work was supported by a grant from the Russian Foundation for Basic Research (project no. 20-59-44008 "World and Russian Mongolian Studies: National Schools, Concepts, Personalities") and a grant of DorzhiBanzarov Buryat State University 2022, no. 22-07-0502 "Domestic Mongolian studies at the turning point of epochs (the beginning of the XX century – 1920s): traditions, continuity, directions".*

Введение. Начало 20-х гг. XXI в. ознаменовано юбилейными датами в истории российского востоковедения, монголоведения, связанных как с творческими биографиями выдающихся ученых Алексея Матвеевича Позднеева (1851–1920), Владислава Людвиговича Котвича (1872–1944), Андрея Дмитриевича Руднева (1878–1958), так и датами организации учреждений научного и учебного типов: Центральный институт живых восточных языков (ЦИЖВЯ) в 1920 г., с 1922 ПИЖВЯ (Петроградский) и Московский институт востоковедения (МИВ) (1921), Всероссийская научная ассоциация востоковедов (1921), Бурятский научный комитет (Буручком, 1922) хотя и ознаменовавших начало новой советской науки, тем не менее ставшие продолжателями традиций научного монголоведения России предыдущего периода. В первую очередь эта преемственность прослеживается в организации учебных заведениий практического характера, о необходимости которых на рубеже XIX–XX вв. писал А. М. Позднеев. Он возглавил Восточный институт во Владивостоке (первый директор 1899–1903 гг.) и основал практическую Восточную академию при Обществе востоковедения (1910) в Петербурге. В. Л. Котвич в начале XX в. также становится инициатором создания и организатором деятельности Института живых восточных языков в Ленинграде – первой советской школы практического востоковедения [1, с. 45]. В этом можно увидеть преемственность в развитии востоковедения России по решению задач, диктуемых новой действительностью, подготовки востоковедных кадров, обучение народов восточных окраин России; а также влияние А. М. Позднеева – организатора востоковедческого образования на своего студента В. Л. Котвича по Петербургскому университету, в последствии также принимавшего участие в организации работы востоковедный учреждений [2, с. 150]. А. М. Позднеев критиковал обучение на восточном факультете университета начала XX в., из-за отсутствия подготовки специалистов по современному Востоку, призывал к изменениям содержания учебных планов по востоковедению, противопоставляя, в какой то степени, обучение на восточном факультете университета и Восточного института во Владивостоке, нередко подвергая критике и В. Л. Котвича, и А. Д. Руднева, приступивших к преподавательской работе в конце 90-х гг. XIX в. и в начале XX в. соответственно [3]. Тем не менее становление ученого и преподавателя Владислава Людвиговича состоялось в стенах Санкт-Петербургского университета от неуверенного до «благородного, крупнейшего, безупречного» [4, с. 294].

Методология и методы исследования. Объектом нашего исследования является история монголоведения в России, становление и развитие которого тесным образом связано с исследованиями отдельных учёных как широко известных, так и несправедливо забытых. Методологической основой публикации является историко-системный подход, позволивший рассмотреть историю российского монголоведения переходного периода от имперского периода к становлению советской школы в контексте истории востоковедения в целом. Принцип историзма лег в основу анализа события в биографии монголоведа В. Л. Котвича, связанные с ключевыми вехами в истории востоковедения, позволил проследить преемственность традиций в развитии монголоведения, обусловленные предыдущими периодами накопления знания о Востоке. Принцип объективности способствовал изучению и сопоставлению широкого круга исторической литературы и источников; в результате факты, события и процессы рассмотрены во взаимосвязи и совокупности. В ходе работы использовались и такие методы, как анализ, обобщение, применяемые, в целом, в общественных науках. Проблемно-хронологический и сравнительно-исторический методы дали возможность изучить деятельность монголоведов В. Л. Котвича и И. П. Малкова, их переписку, через призму которых стало возможным рассмотреть положение дел, связанное с изучением монгольского языка в России, обусловившим появление нового учреждения высшего образования Института живых восточных языков.

Результаты исследования и их обсуждение. В. Котвич окончил в 1895 г. Санкт-Петербургский университет и был оставлен на Восточном факультете для дальнейшей работы. Начинается его педагогическая деятельность, которая будет продолжаться до конца жизни, наряду с колоссальными научными исследованиями. Владислав Людвигович отдал много времени подготовке востоковедов, сначала это в Петербургском университете, затем в ПИЖВИ, а потом и во Львове, куда он переехал в 1924 г. и возглавил кафедру филологии Дальнего Востока в университете Яна Казимира [5; 6].

В Петербургском университете Владислав Людвигович читал курсы лекций по сравнительной грамматике монгольского языка и его наречий, калмыцкому языку, истории калмыцкой письменности, используя учебные пособия А. М. Позднеева [7, с. 127]. В программе его занятий также присутствовали «краткий очерк истории буддизма», «чтение буддийских текстов» [8, с. 28].

Особенной страницей в биографии В. Л. Котвича стоит ПИЖВИ, здесь учёный проявил себя как организатор востоковедческого образования, создавая Институт для подготовки востоковедов практиков, знающих язык и современный Восток. Фактически он стал в этом вопросе продолжателем дела своего учителя по Петербургскому университету Алексея Матвеевича Позднеева, в полной мере стоявшего на позиции, что приоритетная роль в подготовке востоковедных кадров должна быть отдана практическому знанию, необходимому для решения государственных внешнеполитических задач [9].

Несмотря на то, что между учителем и учеником (А. М. Позднеевым и В. Л. Котвичем) были разногласия, и они критиковали друг друга на научном поприще и в педагогической деятельности, тем не менее в этом вопросе Владислав Людвигович идет по стопам своего наставника и создает школу практического востоковедения уже в Советской России, а А. М. Позднеев организатор практического востоковедения в имперской России. К такому заключению[1] приходишь после знакомства с положением, составленным В. Л. Котвичем по созданию Института живых восточных языков, черновик которого датируется февралем 1920 г.[2]

В это время Алексей Матвеевича уже не было в Петрограде, он уехал в Ростов-на-Дону, оказавшись фактически на территории другого государства – Области войска Донского. «Предстоящее оживление отношений Росси с Востоком вновь ставит на очередь вопрос о распространении практических сведений о языках, народах и странах Востока. Так как эти сведения будут требоваться в самых разнообразных областях практической деятельности, то вопрос требует разрешения в общегосударственном масштабе, а не усилиями какого-либо одно-

[1] С основными тезисами об актуальности изучения современного Востока, целями и задачами, стоящими перед учебными учреждениями практического востоковедения, сформулированными А. М. Позднеевым, можно познакомиться в опубликованных нами работах.

[2] СПбФ АРАН (Санкт-Петербургский филиал Архива РАН). – Ф. 761. – Оп. 2. – Д. 70. – Л. 235–236.

го ведомства или учреждения, как это обыкновенно делалось до сих пор. Практическое востоковедение должно быть поставлено независимо, как от чисто научных задач, так и от узко практических целей какой-либо одной области, например, коммерческой, агитационной, дипломатической и т. п. К делу должны быть привлечены по возможности все наличные востоковедные цели, ввиду их количественной недостаточности, и потому рассадник практического востоковедения естественно организован в Петербурге, где эти силы сосредотачиваются», – констатировал В. Л. Котвич [10; 11]. Он видел существование нового Института при Петроградском университете, но при этом его деятельность должна быть организована «… в достаточной степени автономно»[1], однако подчёркивал важность взаимодействия Института и университета. Их сосуществование создавало «постоянное живое взаимодействие между научно-теоретическим и практическим рассадником востоковедения, что может быть лишь полезно для обоих»[2].

Для общей пользы учреждений и выполнения задач подготовки востоковедов-практиков необходимо было сделать следующее: «1). При Петроградском университете учредить Институт практического востоковедения /или Институт живых восточных языков; 2). Институт имеет целью содействовать живым и печатным словом Востока. Он должен заменить, по крайней мере, в центре, как самостоятельные школы практического востоковедения, так и разные временные курсы, которые учреждались до сих пор…»[3].

Главной задачей учреждающегося Института должно стать привлечение более широкого круга лиц для изучения восточных языков: «3). К занятиям в Институте допускаются все желающие изучить Восток с практическими целями, и Институт должен давать всякому возможность изучения любого языка или страны. Таким образом главный контингент слушателей Института составят: а) лица, готовящиеся к практической деятельности на Востоке или в связи с Востоком в любой области (коммерческой, административной, педагогической, военной, политическо-агитационной, дипломатической и т. п.) и которые уже имеют или получают в других знаниях общую подготовку, соответствующую своей специальности; б) слушатели востоковедных курсов университета, желающие приобрети практические сведения о Востоке; в) уроженцы стран Востока интересующиеся европейскими методами преподавания родного языка или иного важного для них»[4].

Остановимся на пункте о контингенте обучающихся в ПИЖВЯ, а именно об уроженцах стран Востока, под которыми подразумевались и народы восточных окраин России, которые в Институте изучали свой родной язык [12, с. 71].

Вопрос об организации образования у инородцев в России начала XX в. поднимался неоднократно, так в 1905 г. под эгидой Министерства народного просвещения было проведено совещание, актуализировавшее положение дел в обучении инородцев и в изучении восточных языков, были намечены и пути их решения [13, с. 331].

Об организации преподавания монгольских языков на восточных окраинах страны знал В. Л. Котвич [14], проводил исследования, собирал информацию у разных лиц, одним из его корреспондентов был учитель «монголо-бурятского языка н[е имеющий] ч[ина] Иннокентий Порфирьевич Малков», преподававший в Читинской учительской семинарии[5] выпускник Иркутского духовного училища 1893 г. первого разряда с правом поступления в 1-й класс духовной семинарии без экзаменов, семинарию окончил в 1902 г.[6] [15, с. 106–107].

Большую часть своей жизнь отдал просвещению бурят, преподавал их родной язык, занимался изучением монгольской литературы, подготовил и издал «Бурят-монгольскую хрестоматию», которая бесследно исчезла в годы гражданской войны в России [15, с. 106–107]. О Хрестоматии положительно отзывался монголовед Г. Ц. Цыбиков[7]: «…И. П. Малков в период трехлетней неразберихи на Д[альнем] В[остоке], в период борьбы с контрреволюцией, в период наи-

[1] СПбФ АРАН. – Ф. 761. – Оп. 2. – Д. 70. – Л. 235–236.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] Памятная книжка Забайкальской области на 1912 г. Забайкальского областного статистического комитета. С изменениями, последовавшими к маю 1912 г. Чита, 1912. – С. 28.

[6] Г. Цыбиков в некрологе отметил, что И. Малков «учился до 1902 г.».

[7] Цыбиков Гомбожаб Цэбекович (1873–1930) – монголовед, путешественник–паломник в Тибет, буддолог, преподаватель, ученик монголоведа А. М. Позднеева.

большей разрухи народного хозяйства находил время напечатать большой том «Бурят-Монгольской Хрестоматии»... по монгольской литературе, которую он изучал и собирал лучшие её образцы. Впоследствии, И[ннокентий] П[орфирьевич] наспех издал маленькую брошюру «Монголо-Бурятское учение» – из забракованных для Хрестоматии (первой) отрывков» [15, с. 106–107].

Г. Ц. Цыбиков является и автором наиболее полной биографии Иннокентия Порфирьевича, из которой мы узнаем, что: Иннокентий Малков «родился в 1879 году… скончался 10 мая с. г.[1]», сын священника – Порфирия Малкова[2]. Однако Иннокентий Малков (1879–1925) священником не был, а изучив монгольский язык в Иркутском духовном училище и семинарии «употреблял свои знания на деле просвещения бурят-монголов в кругу светских знаний. Самая плодотворная его работа начинается со времени назначения учителем Читинской учительской семинарии, где бурят-монгольский язык был введен по настоянию самого бурятского населения, которое много содействовало учреждению семинарии, как и других учебных заведений, напр. гимназии и т. п. Но при тогдашнем правительстве, бурят-монгольскому языку в светских школах и народности не было необходимой свободы. Свобода и то пока только на бумаге, открылась с наступлением февральской революции 1917 года», – пишет Г. Ц. Цыбиков [15, с. 106–107].

Пониманием сути вопроса организации учебного заведения, в котором бы обучались и представители восточных народов страны, для В. Л. Котвича во многом служила информация, предоставленная Ц. Жамсарано – учёным, другом и соратником В. Л. Котвича [16], священником В. Флоренсовым из Иркутска, учителем И. П. Малковым и др. В связи с чем, полезен интересен документ – письмо И. П. Малкова к В. Л. Котвичу от 10.01.1911 г. – это первый учебный год работы И. П. Малкова учителем Читинской семинарии открытой в 1900 г. [17, с. 64–67].

10.01.1911 г.

Многоуважаемый Владислав Людвигович.[3]

… В Чите монгольский язык преподается в Учительской семинарии. Предмет этот существует в семинарии с самого начала основания ее 10 лет тому назад, но, за неимением учителей преподавался с большими перерывами. Перебывало несколько учителей бурят[4]*, но негодность и неподготовленность их сказывались с первых же шагов обучения, и ни один из учителей не продержался на этой службе более одного года. Дело в том, что предмет этот необязателен. Необязательность – это одно из благодарных условий нормальности изучения, но она должна компенсироваться заинтересованностью изучающих. Само собой, понятно, что безграмотный учитель, умеющий по-монгольски только читать и писать, и почти непонимающий читанного и [нрзб] не всегда в других областях знания, едва ли будет иметь достаточный контингент слушателей, тем более, что учениками являются лица более зрелого возраста и со значительным интеллектуальным развитием, запросы и интересы которых больших познаний от преподающего.*

Заинтересовать слушателей – моя первая обязанность и задача, для разрешения которой, приходиться тратить немало времени и труда. Для этой цели на уроках сообщаю кое-какие сведения по истории Сибири, буддизму, о Монголии и др. Таким путем мне удается создать внимательную аудиторию, занятия с которой меня нисколько не тяготят. Занимаюсь ныне первый год и об окончательных результатах, таким образом, не может быть и речи, но опыты прошлого полугодия дали, хотя и небольшой, но несомнительный успех и, если мне удастся поддержать в учениках такой же интерес, то в четыре года мы успеем сделать кое-что положительное. В первое полугодие мы достигли довольно правильного произношения характерных монгольских звуков, усвоили ортодоксальную монгольскую

[1] С. г. – т. е. 1925 г. Некролог напечатан в 1925 г. Об И. П. Малкове очень мало информации, в связи с чем допускаются ошибки в его биографии, в частности указывается что он редактировал газету «Буряад үнэн» до 1927 г. – URL: https://www.baikal-media.ru/news/society/377796 (дата обращения: 21.12.2022). – Текст: электронный.

[2] Порфирий Малков – заштатный протоирей Забайкальской епархии, награжден за миссионерскую деятельность ор-деном Святой Анны 2 степени // Забайкальские Епархиальные ведомости. – 1915. – № 11. – С. 355.

[3] СПбФ АРАН. – Ф. 761. – Оп. 2. – Д. 13. – Л. 63–68 об; Письмо публикуется впервые в сокращенном варианте.

[4] СПбФ АРАН. – Ф. 761. – Оп. 2. – Д. 70. – Л. 235–236.

транскрипцию и научились писать, знаем первый концентр грамматики, т. е. знакомы с теми грамматическими формами, без знания которых невозможно оперировать с монгольскими текстами.

Первоначальным материалом изучения служили у нас издания Общества востоковедения и разные рукописные образцы, как монгольских, так и бурятских официальных бумаг. В настоящее время особенное внимание обращаем на заучивание слов и в этом направлении будем работать все ближайшее время. Систематическое изучение грамматики и синтаксиса оставили до времени достаточного ознакомления с образцами как монгольской классической литературы, так и современной письменности. Весьма жалко, что не имеем Вашей Грамматик [18]. Не найдете ли возможным одолжить мне какой-нибудь, хотя [бы] истрепанный, экземпляр на время…

Есть попытки изучения монгольского языка в Читинском миссионерском училище, но об этом и упоминать не стоит. Учитель, кажется, крещенный тунгус, не знает даже живой бурятской речи, не говоря уже о письменности. О результатах их преподавания я имею категорическое понятие по познаниям тех учеников, которые, окончив миссионерское училище, поступают в приготовительный класс нашей семинарии и которые по своему незнанию монгольского языка ничем не отличаются от не изучавших этот язык учеников… Вообще же должен сказать, что Чита хотя и является центром забайкальского монголизма, но монголистов здесь нет. Не лучше обстоят дела по преподаванию монгольского языка и в инородческих училищах, существующих при инородческих волостях, при чем не успешность изучение точно также обуславливается неподготовленностью преподавателя и неимением учебных пособий. Вся цель изучения сводится к приобретению грамотности, т. е. видение механизма чтения и письма исчерпывает собою весь объем обучения в продолжении 5 или 6 лет. Грамматика и синтаксис языка, содержание смысл языка прочитанного, изучение классических образцов знакомство с разновидностями живого языка – это остается непосильным для преподавателей, которые в большинстве случаев, вербуются из грамотеев-бурят, плохо знающих свою письменность и совсем незнающих русского языка.

В Селенгинском инородческом училище, например, особая должность учителя монгольского языка существует с 1897 года. Перебывало на этой службе много людей, но не было хорошего учителя, и, если некоторые ученики действительно приобретали грамотность по-монгольски, то благодаря самодеятельности и близкому содейству волостного правления., где их утилизировали в качестве писцов. Никаких учебников и руководства при школах не имеется, так что жалкие издания Общества востоковедения[1] являются единственными книжками, доступными учащейся массе. Назрела крайняя нужда в учебниках по монголо-бурятскому языку. Нужны словарь, грамматика и хрестоматия, приспособленные к школьному обучению.

Спасибо Вам за сообщение о словаре Голстунского[2]. Наш директор уже отправил в университет просьбу выслать для семинарии один экземпляр…

Относительно преподавания монгольского языка в семинарии сообщаю: преподается язык во всех классах по 4 урока в неделю; изучающими являются русские (около половины всего состава учеников, т. е., 50 ч[елове]к). Предмет необязателен; программ, учебников и руководств никаких нет, но директор видимо заинтересован в наших успехах и обещает обставить преподавание языка более нормально. Думаем к будущему году выписать 20 экземпляров Хрестоматии[3] Позднеева…

С искренней преданностью, полным почтением Ин. Малков.

---

[1] Первым из учителей, принятых в Учительскую семинарию (в 1900 г. – год открытия семинарии) был переводчик Троицкосавского окружного полицейского управления Жамбал Доржи (Иван Андреевич) Санжиев, принявший христианство. Работал учителем три года, с сентября 1900 по сентябрь 1903 г. Таким образом, Малков в письме, скорее по незнанию, неверно утверждает, что все работали не более года. Санжиева вновь перевели в Троицкосавск. Этот факт в биографии учителя и переводчика Санжиева подтверждает факт нехватки кадров, как учительских, так и переводчиков, поэтому одного и того же человека постоянно переводили с одной службы на другую, ввиду крайней необходимости.

[2] В начале XX в. в России было создано два первых объединения специального востоковедного профиля: Императорское общество востоковедения (1900) и Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии (1903). Цель общества востоковедения определялась уставом: «взаимное ознакомление народов России и Востока с их материальной и духовной жизнью.

[3] Голстунский К. Ф. Монгольско-русский словарь. – Л.: Лит. А. Иконникова,1938. – 230 с.

По содержанию письма И. П. Малкова к В. Л. Котвичу можно судить о том, что письмо не случайное, это ответ на послание учёного, скорее всего, на определенно сформулированные вопросы, что и послужило основой подробного изложения информации об учебных заведениях Читы, в учебных программах которых был представлен монгольский язык. Введение письма в научны оборот, важно с точки зрения истории монголоведения в целом, письмо отражает одну из особенностей развития отечественного монголоведения – взаимодействия центральных учреждений и знатоков-практиков- энтузиастов в изучении Востока с окраин страны. Богатое эпистолярное наследие В. Л. Котвича[1] способствует и сохранению имен мало известных людей, несправедливо забытых в монголоведении.

Заключение. Деятельность В. Л. Котвича по организации востоковедческого образования в России подчёркивает государственный характер востоковедения. Задачи как внешнего характера, связанные с событиями в Китае, Монголии начала XX в., так и внутриполитического после 1917 г., обусловленные национально-государственным строительством, новой активацией восточного вектора политики, что отражает В. Л. Котвич в Положении об ПИЖВЯ, актуализируя важность его открытия, стимулируют развитие монголоведения: развивается более тщательный подход к изучению восточных языков, народов, появляется еще большая потребность в кадрах востоковедения, как учёных, исследователей, так и преподавателей вузов, и учителей школ, чтобы охватить более широкий круг обучающихся. Всё это звучит актуально и с позиции сегодняшнего дня, когда Россия ориентирована на большую интеграцию с Востоком, для чего необходимо формирование интеллектуальной среды, чтобы вырабатывать продуктивную программу взаимодействия.

Список литературы

1. Носов Д. А. Ученик В. Л. Котвича – В. А. Казакевич // Шестые Петербургские монголоведные чтения: программа и тезисы (24–25 ноября, 2022, Санкт-Петербург): программа и тезисы. СПб.; Улан-Батор: Ин-т языка и лит-ры, 2022. С. 45–49.

2. Касьяненко З. К. Монголоведение в Санкт-Петербургском университете (1855–1817) // Культура Монголии в средние века и новое время (XVI – начало XX). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1986. С. 141–159.

3. Полянская О. Н. Востоковедное образование России в начале XX в.: деятельность А. М. Позднеева по подготовке монголоведо-практиков // Ученые записки ЗабГУ. 2016. Т. 11, № 6. С. 143–148.

4. Алексеев В. М. Наука о Востоке: статьи и документы. М.: Наука, 1982. 534 с.

5. Professor Władysław Kotwicz. The first president of the Polish Oriental Society (PTO) // Przegląd Orientalistyczny. 2012. № 3–4. P. 133–141.

6.Tulisow J., Władysław Kotwicz // Hemispheres. 1986. № 2. P. 199–215.

7. Улымжиев Д. Б. Монголоведение в России во второй половине XIX – начале XX вв.: петербургская школа монголоведов. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1997. 216 с.

8. Ермакова Т. В. Научные связи В. Л. Котвича и Ф. И. Щербатского // Шестые Петербургские монголоведные чтения: программа и тезисы (24–25 ноября, 2022. Санкт-Петербург). СПб.; Улан-Батор: Ин-т языка и лит-ры, 2022. С. 28–29.

9. Полянская О. Н. Научные направления в российском монголоведении (начало XX в.) // Вестник Бурятского госуниверситета. 2014. № 7. С. 66–70.

10. Kałużyński S. Władysław Kotwicz (na stulecie urodzin) // Przegląd Orientalistyczny. 1972. No. 82. P. 103–114.

11. Lewicki M. Władysław Kotwicz (20.III 1872 – 3.X 1944) // Rocznik Orientalistyczny. 1953. No. 16. P. 107–118.

12. Яхонтова Н. С. Студенты – сарт-калмыки – ученики А. В. и Т. А. Бурдуковых (по материалам Центрального государственного архива Санкт-Петербурга) // Шестые Петербургские монголоведные чтения; программа и тезисы. СПб.; Улан-Батор: Ин-т языка и лит-ры, 2022. С. 69–72.

13. Позднеев А. М. По вопросу о введении в курс среднеобразовательной школы на окраинах изучения местных языков… // Труды особого совещания по вопросам образования восточных инородцев / под ред. А. С. Будиловича. СПб.: Российская государственная библиотека, 1905. С. 328–332.

14. Tulisow J., Inoue O., Bareja-Starzyńska A., Dziurzyńska E., In the Heart of Mongolia. 100th Anniversary of W. Kotwicz's Expedition to Mongolia in 1912 (Studies and Selected Source Materials), Kraków, 2012. URL: https://www.researchgate.net/publication/270115872_Jerzy_Tulisow_Inoue_Osamu_Bareja-Starzynska_Agata_and_Dziurzynska_Ewa_eds_In_the_Heart_of_Mongolia_100th_Anniversary_of_W_Kotwicz%27s_Expedition_to_Mongolia_in_1912 (дата обращения: 21.12.2022). Текст: электронный.

15. Цыбиков Г. И. П. Малков. Некролог // Жизнь Бурятии. 1925. № 1–2. С. 106–107.
16. Полянская О. Н. Сотрудничество В. Л. Котвича и Ц. Ж. Жамцарано в изучении монгольских народов // Oriental Studies. 2016. № 9. С. 140–147.
17. Мамкина И. Н. Народное просвещение и педагогическое образование в Восточной Сибири в конце XIX – начале XX в. // Молодая наука Забайкалья: сб. ст.: в 2 ч. Чита: Заб. гос. гум.-пед. ун-т, 2005. Ч. 1. С. 64–67.
18. Котвич В. Л. Лекции по грамматике монгольского языка. СПб.: Изд. студентов: Э. Мауринг и Э. Беренс, 1902. 28 с.

Информация об авторе

Полянская Оксана Николаевна, кандидат исторических наук, доцент; Бурятский государственный университет имени Банзарова, 670000, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а; PolGrab@mail.ru; https://orcid.org/0000-0003-1483-2441.

Для цитирования

Полянская О. Н. Эпистолярное наследие монголоведа В. Л. Котвича (1872–1944) о преподавании монгольского языка в России в начале XX века // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18, № 1. С. 141–149. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-1-141-149.

Статья поступила в редакцию 23.01.2023; одобрена после рецензирования 25.02.2023; принята к публикации 28.02.2023.

References

1. Nosov, D. A. V. L. Kotvich's student – V. A. Kazakevich. Sixth Petersburg Mongolian Studies Readings. November 24–25, 2022. St. Petersburg. Program and theses. St. Petersburg, Ulaanbaatar, 2022 (In Rus.)
2. Kasyanenko, Z. K. Mongolian studies at St. Petersburg University (1855–1817). Culture of Mongolia in the Middle Ages and modern times (XVI-beginning of XX). Ulan-Ude, 1986: 141–159. (In Rus.)
3. Polyanskaya, O. N. Oriental education in Russia at the beginning of the 20th century: the activities of A. M. Pozdneev for the training of Mongolian scholars – practitioners. Scholarly notes of ZabGU, no. 6, pp. 143–148, 2016. (In Rus.)
4. Alekseev, V. M. Science of the East: articles and documents. Moscow: Nauka, 1982. (In Rus.)
5.Professor Władysław Kotwicz. The first president of the Polish Oriental Society (PTO). Orientalist Review, no. 3–4(243–244), pp. 133–141, 2012. (In Engl.)
6.Tulisow, J., Władysław Kotwicz. Hemispheres, no. 2, pp. 199–215, 1986. (In Engl.)
7. Ulymzhiev, D. B. Mongolian studies in Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries: The St. Petersburg school of Mongolian studies. Ulan-Ude: BGU, 1997. (In Rus.)
8. Ermakova, T. V. Scientific connections of V. L. Kotvich and F. I. Shcherbatsky. Sixth Petersburg Mongolian Studies Readings. November 24–25, 2022. St. Petersburg. Program and theses. St. Petersburg, Ulaanbaatar, 2022: 28–29. (In Rus.)
9. Polyanskaya, O. N. Scientific trends in Russian Mongolian studies (beginning of the 20th century). Bulletin of the Buryat State University, no. 7, pp. 66–70, 2014. (In Rus.)
10. Kaluzynski, S. Władysław Kotwicz (on the centenary of his birth). Orientalist Review, no. 82, pp. 103–114, 1972. (In Pol.)
11. Lewicki, M. Władysław Kotwicz (20.III 1872 – 3.X 1944). Orientalist Yearbook, no. 16, pp. 107–118, 1953. (In Pol.)
12. Yakhontova, N. S. Students – Sart-Kalmyks – students of A. V. and T. A. Burdukovs (based on the materials of the Central State Archive of St. Petersburg). Sixth Petersburg Mongolian Studies Readings. November 24–25, 2022. St. Petersburg. Program and theses. St. Petersburg, Ulaanbaatar, 2022: 69–72. (In Rus.)
13. Pozdneev, A. M. On the issue of introducing a secondary school on the outskirts of the study of local languages into the course ... Proceedings of a special meeting on the education of Eastern foreigners / Ed. by A. S. Budilovich. SPb., 1905: 328–332. (In Rus.)
14. Tulisow, J., Inoue, O., Bareja-Starzyńska, A., Dziurzyńska, E., In the Heart of Mongolia. 100th Anniversary of W. Kotwicz's Expedition to Mongolia in 1912 (Studies and Selected Source Materials), Kraków, 2012. (In Engl.)
15. Tsybikov, G. I. P. Malkov. Obituary. Life of Buryatia, no. 1–2, pp. 106–107, 1925. (In Rus.)
16. Polyanskaya, O. N. Cooperation of V. L. Kotvich and Ts. Zh. Zhamtsarano in the study of the Mongolian peoples. Oriental Studies, no. 9(3), pp. 140–147, 2016. (In Rus.)
17. Mamkina, I. N. Public education and pedagogical education in Eastern Siberia in the late 19th – early 20th centuries: Sat. Art. Young science of Transbaikalia. Part 1. Chita. 2005: 64–67. (In Rus.)
18. Kotvich, V. L. Lectures on the Grammar of the Mongolian Language. SPb, 1902. (In Rus.)

Information about authors

Polyanskaya Oksana N., Candidate of History, Associate Professor, Banzarov Buryat State University, 24a Smolina st., Ulan-Ude, 670000, Russia; PolGrab@mail.ru; https://orcid.org/0000-0003-1483-2441.

For citation

Polyanskaya O. N. The Epistolary Heritage of the Mongolist V. L. Kotvich (1872–1944) about Teaching the Mongolian Language in Russia at the Beginning of the 20th Century //Humanitarian Vector. 2023. Vol. 18, no. 1. P. 141–149. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-1-141-149.

Received: January 23, 2023; approved after reviewing February 25, 2023; accepted for publication February 28, 2023.